

ЕВГЕНИЙ
ОНДГИНЪ.
ГЛАВА VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1830.

ЕВГЕНИЙ ОНЂГИНЪ.

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ЕВГЕНИЙ ОНЬГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНИЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1830.

Съ дозволенія Правительства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Дмитревъ.

Какъ не любилъ родной Москвы?

Баратынскій.

Гоненье на Москву! чго значилъ видѣть сълзы!
Гдѣ жъ лучше?

Гдѣ насть ивши.

Грибоѣдовъ.

ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ.

—*—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ вспрѣчаетъ упро года;
Синѣя блещущъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса

Какъ будто пухомъ зеленѣють.
Пчела за данью полевой
Лепитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Спада шумяшь, и соловей
Ужъ пѣль въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ первое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны,
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,

Все, что ликуешь и блескишь,
 Наводишь скуку и шомленье
 На душу мершую давно,
 И все ей кажешся темно?

III.

Или, не радуясь возвращу
 Погибших осенью листовъ,
 Мы помнимъ горькую утрату,
 Внимая новый шумъ лѣсовъ;
 Или съ природой оживленной
 Сближаемъ дumoю смущенной
 Мыувяданье нашихъ лѣпъ,
 Которымъ возрожденья нѣпъ?
 Быть можетъ, въ мысли намъ приходишь
 Средь поэтическаго сна
 Иная, спарадая весна
 И въ трепетъ сердце намъ приводишь

Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ....

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы - мудрецы,
Вы, равнодушные щастливцы,
Вы, школы Левшина¹ птенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы, чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зовѣшъ,
Пора шепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ пяжко нагруженныхъ,
На долгихъ иль на почтовыхъ
Тянишесь изъ заславъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
 Въ своей колясѣ выписной,
 Оставыше градъ неугомонный,
 Гдѣ веселились вы зимой;
 Съ мою музой своенравной
 Пойдемте слушать шумъ дубравной
 Надъ безыменною рѣкой
 Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
 Опшельникъ праздный и унылой,
 Еще недавно жилъ зимой
 Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
 Моей мечтательницы милой;
 Но гдѣ его теперь ужъ нѣпѣ....
 Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
 Пойдемъ шуда, гдѣ ручеёкъ

Віясь бѣжитъ зеленымъ лугомъ
 Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.
 Тамъ соловей, весны любовникъ,
 Всю ночь поетъ; цвѣтешъ шиловникъ,
 И слышенъ говоръ ключевой —
 Тамъ видѣнъ камень гробовой
 Въ пѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
 Пришельцу надпись говорилъ:
 « Владиміръ Ленской здѣсь лежитъ,
 « Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
 « Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
 « Покойся, юноша - поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной
 Бывало ранній вѣтерокъ
 Надъ эпой урою смиренной
 Качаль таинственній вѣнокъ.

Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ при лунѣ,
Обнявшись, плакали онѣ.
Но нынѣ.... памятникъ унылой
Забыть. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣпъ;
Одинъ, подъ нимъ, сѣдой и хилой
Паспухъ попрежнему поетъ
И обувь бѣдную племепть.

VIII. IX.

X.

Мой бѣдный Ленской! изнывая
Не долго плакала она.
Увы! невѣста молодая
Своей печали невѣрна.

Уланъ увлекъ ея вниманье ,
 Уланъ успѣль ея спраданье
 Любовной лестью усыпить ,
 Уланъ умѣль ее плѣнить ,
 Уланъ любимъ ея душою....

И волѣ ужъ съ нимъ предъ алтарёмъ
 Она стыдливо подъ вѣнцомъ
 Стоитъ съ поникшей головою ,
 Съ огнемъ въ попупленныхъ очахъ ,
 Съ улыбкой легкой на успахъ .

XI.

Мой бѣдный Ленской ! за могилой
 Въ предѣлахъ вѣчносии глухой
 Смутился ли , пѣвецъ унылой ,
 Измѣны вѣстью роковой ,
 Или надъ Лепой усыпленной
 Поэпъ , безчувствіемъ блаженнай ,

Ужъ не смущаєтсѧ ничѣмъ,
 И міръ ему закрыть и нѣмъ?....
 Такъ! равнодушное забвенье
 За гробомъ ожидаетъ нась.
 Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
 Вдругъ молкнептъ. Про одно имѣнье
 Наслѣдниковъ сердитый хоръ
 Заводили непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
 Въ семействвѣ Лариныхъ умолкъ.
 Уланъ, своей невольникъ доли,
 Былъ долженъ бѣхать съ нею въ полкъ.
 Слезами горько обливаясь,
 Старушка, съ дочерью прощаясь,
 Казалось, чути жива была,
 Но Таня плакать не могла;

Лишь смертной бледностью покрылось
Ея печальное лицо.

Когда все вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокруг кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ....

И вонъ одна, одна Татьяна!

Увы! подруга сполькихъ лѣпъ,

Ея голубка молодая,

Ея наперсница родная,

Судбою вдаль занесена,

Съ ней навсегда разлучена.

Какъ пѣнь она безъ цѣли бродитъ,

То смотритъ въ опустѣлый садъ....

Нигдѣ, ни въ чёмъ ей нѣпѣ оправдѣ,
 И облегченья не находишъ
 Она подавленнымъ слезамъ —
 И сердце рвешся пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
 Сильнѣе спрасить ея гориши ,
 И обѣ Онѣгинѣ далёкомъ
 Ей сердце громче говориши .
 Она его не будешъ видѣши ;
 Она должна въ немъ ненавидѣши
 Убійцу браша своего;
 Поэти погибъ....но ужъ его
 Никто не помниши , ужъ другому
 Его невѣспа опдалась.
 Поэта память пронеслась
 Какъ дымъ по небу голубому,

О немъ два сердца, можетъ бысть,
Еще грустяшъ.... Начио грустить?....

XV.

Быль вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы;
Ужъ за рѣкой, дымясь, пыталъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видилъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлую рѣкою.
Она глядитъ — и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущають:
 « Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?....
 Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ....
 Взгляну на домъ, на этотъ садъ. »
 И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
 Едва дыша; кругомъ обводитъ
 Недоумѣнья полный взоръ....
 И входитъ на пустынныи дворъ.
 Къ ней, лая, кинулись собаки.
 На крикъ испуганный ея
 Ребята дворовая семья
 Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
 Мальчишки разогнали псовъ,
 Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

« Увидѣть барской домъ не льзя ли, »
 Спросила Таня. Поскорѣй

Къ Анисьѣ дѣпи побѣжали
 У ней ключи взяпь отъ сѣней;
 Анисья тошчасъ къ ней явилась
 И дверь предъ ними отворилась,
 И Таня входишъ въ домъ пустой,
 Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
 Она глядитъ: забытый въ залѣ
 Кій на бильярдѣ отдыхаль,
 На смяшомъ канапе лежаль
 Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
 Старушка ей: « а вонъ каминъ;
 Здѣсь баринъ сиживаль одинъ.

XVIII.

« Здѣсь съ нимъ обѣдываль зимою
 Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
 Сюда пожалуйше, за мною.
 Вонъ эшо барскій кабинетъ;

Здѣсь почиваль онъ, кофей кушаль,
Прикащица доклады слушаль
И книжку по упру читалъ....
И старый баринъ здѣсь живалъ;
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играшь изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой! »

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядишъ,
И все ей кажешся безцѣннымъ,
Все душу помнную живишъ
Полу-мучительной опрадой:
И сполъ съ померкшею лампадой,

И груда книгъ, и подъ окномъ
 Кровать покрытая ковромъ,
 И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
 И эпопѣй блѣдный полусвѣтъ,
 И лорда Байрона портретъ,
 И столбикъ съ куклою чугунной
 Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
 Съ руками сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
 Какъ очарована споить.
 Но поздно. Вѣтеръ вспалъ холодной.
 Темно въ долинѣ. Роща спить
 Надъ опуманенной рѣкою;
 Луна сокрылась за горою,
 И пилигримкѣ молодой
 Пора, давно пора домой.

И Таня, скрывъ свое волненье,
 Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
 Пускается въ обратной путь.
 Но прежде просить позволенья
 Пустынный замокъ навѣщать,
 Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей проспилась
 За воротами. Черезъ день
 Ужъ утромъ рано вновь явилась
 Она въ оставленную сѣнь,
 И въ молчаливомъ кабинетѣ,
 Забывъ на время все на свѣтѣ,
 Осталась наконецъ одна,
 И долго плакала она.
 Попомъ за книги принялася.
 Сперва ей было не до нихъ,

Но показался выборъ ихъ
 Ей страненъ. Чпенью предалася
 Татьяна жадною душой;
 И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгений,
 Издавна чпенья разлюбилъ,
 Однакожъ нѣсколько твореній
 Онъ изъ опалы изключилъ:
 Пѣвца Манфреда и Жуана,
 Да съ нимъ еще два-при романа,
 Въ копорыхъ отразился вѣкъ,
 И современный человѣкъ
 Изображенъ довольно вѣрно
 Съ его безнравственной душой,
 Себялюбивой и сухой,
 Мечтанью преданной безмѣрно,

Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пускомъ.

XXIII.

Хранили многія спраницы
Опімѣтку рѣзкую ногтей;
Глаза внимательной дѣвицы
Успремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ
Бывалъ Онѣгинъ поражёнъ,
Въ чемъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она вспѣчаєтъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То крапкимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаешь понемногу
 Моя Татьяна понимашь
 Теперь яснѣе — слава Богу —
 Того, по комъ она взыхашь
 Осуждена судьбою власпной:
 Чудакъ печальный и опасный,
 Созданье ада иль небесъ,
 Сей ангель, сей надменный бѣсь,
 Чѣмъ онъ? Уже ли подражанье,
 Ничтожный призракъ, иль еще
 Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ исполкованье,
 Словъ модныхъ полный лексиконъ?....
 Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Уже ль загадку разрѣшила?
 Уже ли слово найдено?

Часы бѣгутъ; она забыла,
 Что дома ждутъ ее давно,
 Гдѣ собралися два сосѣда
 И гдѣ обѣ ней идесть бесѣда.
 Какъ бысть? Татьяна не дыша,
 Старушка молвила крехкя.

Вѣдь Ольинка ея моложе.
 ПрисстроиТЬ дѣвушку, ей-ей,
 Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
 Всѣмъ наотрѣзъ одно и тоже:
 Нейду. И все грустить она,
 Да бродить по лѣсамъ одна.

XXVI.

« Не влюблена ль она? » — Въ кого же?
 Бояновъ свашался: отказанъ.
 Ивану Пѣтрушкову — тоже.
 Гусаръ Пыхтинъ гостили у насъ;

★

Ужь какъ онъ Танею прельщался,
 Какъ мѣлкимъ бѣсомъ разсыпался!
 Я думала: пойдешь авось;
 Куда! и снова дѣло врозь.—
 «Что жъ, машушка? зачѣмъ же спало?
 Въ Москву, на ярманку невѣспѣ!
 Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстѣ.
 Охъ, мой опецъ! доходу мало.
 «Довольно для одной зимы,
 Не то ужъ дамъ хоть я въ займы.»

XXVII.

Спарушка очень полюбила
 Совѣспѣ разумный и благой;
 Сочлась — и шупѣ же положила
 Въ Москву оправившися зимой —
 И Таня слышишъ новоспѣ эшу.
 На судъ взыскательному свѣшу

Представить ясныя черты
 Провинциальной простоты,
 И запоздалые наряды,
 И запоздалый складъ рѣчей;
 Московскихъ франтовъ и цирцей
 Привлечь насмѣшливыя взгляды!....
 О страхъ! нѣпъ, лучше и вѣрнѣй
 Въ глухи лѣсовъ останься ей.

XXVIII.

Встывая съ первыми лучами,
 Теперь она въ поля спѣшишь
 И, умиленными очами
 Ихъ озирая, говоришь:
 Проспише, мирныя долины,
 И вы, знакомыхъ горъ вершины,
 И вы, знакомые лѣса;
 Проспи, небесная краса,

Прости, веселая природа ;
 Мѣняю милый, тихій свѣтъ
 На шумъ блистательныхъ суетъ....
 Прости жъ и ты, моя свобода !
 Куда, за чѣмъ спремлюся я ?
 Что мнѣ сулишь судьба моя ?

XXIX.

Ея прогулки делятся долѣ.
 Теперь по холмикъ, по ручей
 Останавливаютъ по неволѣ
 Татьяну прелестью своей.
 Она, какъ съ давними друзьями ,
 Съ своими рощами, лугами
 Еще бесѣдовашь спѣшишъ.
 Но лѣто быстрое лепитъ.
 Наспала осень золотая.
 Природа препечна, блѣдна ,

Какъ жерпва пышно убрана....
 Вопъ сѣверъ , тучи нагоняя ,
 Дохнуль , завылъ — и вопъ сама
 Идѣтъ волшебница зима.

XXX.

Пришла , разсыпалась ; клоками
 Повисла на сухахъ дубовъ ;
 Легла волнистыми коврами
 Среди полей , вокругъ холмовъ ;
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравняла пухлой пеленою ;
 Блеснуль морозъ . И рады мы
 Проказамъ матушки зимы .
 Не радо ей лишь сердце Тани .
 Нейдѣтъ она зиму вспрѣчать ,
 Морозной пылью подышать
 И первымъ снѣгомъ съ кровли бани

Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянъ спрашень зимній пушъ.

XXXI.

Опѣзда день давно просроченъ,
Проходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обиагъ, упроченъ
Забвеню брошенный возокъ.

Обозъ обычный, при кишишки
Везутъ домашніе пожитки,
Каспрюльки, спулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, шюфяки,
Перины, клѣпки съ пѣпухами,
Горшки, шазы *et cetera*,
Ну, много всякаго добра.

И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ,

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впряженій,
 Готовяшъ завтракъ повара,
 Горой кибитки нагружающъ,
 Бранящеся бабы, кучера.
 На клячѣ ищущей и косматой
 Сидишь форрейторъ бородатый.
 Сбѣжалась челядь у воропъ
 Прощающа съ барами. И вопль
 Усълись, и возокъ почтенный,
 Скользя, ползешь за воропа.
 « Просипише, мирная мѣста !
 « Проспиши, пріюшъ уединенный !
 « Увижу ль васъ ? » И слезъ ручей
 У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
 Отдвинемъ болѣе границъ,

Современемъ (по разчислению
 Философическихъ таблицъ,
 Лѣтъ чрезъ пять сопѣ) дороги вѣрно
 У насъ измѣняпся безмѣрно :
 Шоссе Россію здѣсь и пушпъ ,
 Соединивъ , пересѣкунпъ .
 Мосты чугунные чрезъ воды
 Шагнушъ широкою дугой ,
 Раздвинемъ горы , подъ водой
 Прoroемъ дерзостные своды ,
 И заведепъ крещеный міръ
 На каждой спанціи пракширъ .

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи ² ,
 Мосты забытые гніюпъ ,
 На спанціяхъ клопы да блохи
 Заснушъ минуты не даютъ ;

Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной
 Высокопарный, но голодный
 Для виду прейскурантъ виситъ
 И птиціиный дразнитъ апешитъ,
 Межъ пѣмъ, какъ сельскіе циклопы
 Передъ медлишельнымъ огнёмъ
 Россійскимъ лечатъ молоткомъ
 Издѣлье легкое Европы,
 Благословляя колеи
 И рвы опеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
 Ёзда пріятна и легка.
 Какъ спихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной
 Дорога зимняя гладка.
 Автомедоны наши бойки,
 Неупомнимы наши тройки,

И версты, пѣша праздный взоръ,
 Въ глазахъ мелькають какъ заборъ 3.
 Къ нещастью Ларина шащилась,
 Боясь прогоновъ дорогихъ,
 Не на почтовыхъ, на своихъ,
 И наша дѣва насладилась
 Дорожной скучою вполнѣ:
 Семь супокъ Ѳхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
 Ужъ бѣлокаменной Москвы,
 Какъ жарь, крестами золотыми
 Горячъ спаринныя главы.
 Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
 Когда церквей и колоколенъ,
 Садовъ, чертоговъ полукругъ
 Открылся предо мною вдругъ!

Какъ часто въ гореспной разлукѣ,
 Въ моей блуждающей судьбѣ,
 Москва, я думалъ о тебѣ!
 Москва.... какъ много въ этомъ звукѣ
 Для сердца Русскаго слилось!
 Какъ много въ немъ опозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
 Петровскій замокъ. Мрачно онъ
 Недавнею гордился славой.
 Напрасно ждалъ Наполеонъ,
 Послѣднимъ щасльемъ упоенный,
 Москвы колѣнопреклоненной
 Съ ключами стараго Кремля:
 Нѣтъ, не пошла Москва моя
 Къ нему съ повинной головою.
 Не праздникъ, не пріемный даръ,

Она готовила пожаръ
 Неперпъливому герою.
 Отсель, въ думу погружёнъ,
 Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
 Петровскій замокъ. Ну! нестой,
 Пошолъ! Уже столпы заспавы
 Бѣльють; вонъ ужъ по Тверской
 Возокъ несется чрезъ ухабы.
 Мелькаютъ мимо бупки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,
 Купцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, козаки,
 Аптеки, магазины моды,

Балконы, львы на воротахъ
И спаси галокъ на креслахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ-другой, и вонъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой шепткѣ,
Четвертой годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ наспехъ отворяешь дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой калмыкъ.
Встрѣчаешь ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, проспертой на диванѣ.
Спарушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

Княжна, mon ange! — Pachette! — Алина!
 — Ктобъ могъ подумать? — Какъ давно!
 На долго ль? — Милая! Кузина!
 Садись — какъ это мудрено!
 Ей Богу, сцена изъ романа....
 — А это дочь моя, Татьяна. —
 Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ —
 Какъ будто бrezу я во снѣ....
 Кузина, помнишь Грандисона? —
 Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
 Да, помню, помню. Гдѣ же онъ? —
 « Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
 Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
 Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А шоТЬ.... но послѣ все разскажемъ.
 Не правда ль? Всей ея роднѣ

Мы Таню завтра же покажемъ.
 Жаль, разъѣзжать нѣпъ мочи мнѣ;
 Едва, едва паскаю ноги.
 Но вы замучены съ дороги;
 Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть....
 Охъ, силы нѣпъ.... успала грудь....
 Мнѣ пяжела теперь и радость,
 Не только грусть.... душа моя,
 Ужъ никуда не годна я....
 Подъ спарость жизнь такая гадость....»
 И пущъ, совсѣмъ утомлена,
 Въ слезахъ разкашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
 Татьяну прогають; но ей
 Не хорошо на новосельѣ,
 Привыкшей къ горницѣ своей.

Подъ занавѣскою шелковой
 Не спится ей въ постель новой,
 И ранній звонъ колоколовъ,
 Предпеча упреннихъ прудовъ,
 Ее съ поспели подымаешь.
 Садится Таня у окна.
 Рѣдѣеть сумракъ; но она
 Своихъ полей не различаешь:
 Предъ нею незнакомый дворъ,
 Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И волѣ: по родственнымъ обѣдамъ
 Развозяешь Таню каждый день
 Представить бабушкамъ и дѣдамъ
 Ея разсѣянную лѣнъ.
 Роднѣ прибывшей издалеча
 Повсюду ласковая встрѣча,

И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
 Какъ Таня выросла! Давно ль
 Я, кажется, тебя крестила?
 А я шакъ на руки брала!
 А я шакъ за уши драла!
 А я шакъ пряникомъ кормила!
 И хоромъ бабушки твердяпъ:
 Какъ наши годы-то лепяпъ!

XLV.

Но въ нихъ невидно перемѣны;
 Все въ нихъ на старой образецъ:
 У пепушки княжны Елены
 Все шолпъ же шюлевой чепецъ;
 Все бѣлился Лукерья Львовна,
 Все шоже лжетъ Любовь Петровна,
 Иванъ Петровичъ также глупъ,
 Семенъ Петровичъ также скупъ,

У Пелагеи Николавны

Все шопъ же другъ мосье Финмушъ,
 И шопъ же шпицъ, и шопъ же мужъ;
 А онъ, все клуба членъ исправный,
 Все шакже смиренъ, шакже глухъ,
 И шакже ъспъ и пьепъ за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаюшъ.

Младыя грации Москвы
 Сначала молча озираюшъ
 Татьяну съ ногъ до головы ;
 Ее находяшъ что-то странной ,
 Провинціальной и жеманной ,
 И что-то блѣдной и худой ,
 А впрочемъ очень недурной ;
 Поптомъ , покорствую природѣ ,
 Дружатся съ ней , къ себѣ ведулгъ ,

Цалують, нѣжно руки жмутъ,
 Вѣбивають кудри ей по модѣ,
 И повѣряють наразпѣвъ
 Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
 Надежды, шалости, мечты.
 Текутъ невинныя бесѣды
 Съ прикрасой легкой клеветы.
 Попомъ, въ оплакашу лепешанья,
 Ея сердечнаго признанья
 Умильно требують онѣ.
 Но Таня, точно какъ во снѣ,
 Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
 Не понимаетъ ничего,
 И пайну сердца своего,
 Завѣштный кладъ и слезъ и щастья,

Хранишъ безмолвно между пѣмъ,
И имъ не дѣлишся ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаешьъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:
Но всѣхъ въ госпиной занимаешьъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ;
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Распросовъ, сплещень, и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы супки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется помный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ шебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой.

XLIX.

Архивны юноши шолпою
На Таню чопорно глядяпъ ,
И про нее между собою
Неблагосклонно говоряпъ .
Одинъ , какой-то шупъ печальный
Ее находить идеальной ,
И , прислонившись у дверей ,
Элегію готовипъ ей .
У скучной тепки Таню встрѣтия ,
Къ ней какъ-то В.... подсѣль
И душу ей занять успѣль .
И близъ него ее замѣтия ,
Объ ней , поправя свой парикъ ,
Освѣдомляется спарикъ .

L.

Но тамъ , гдѣ Мельпомены бурной
Прошляжный раздаеця вой ,

Гдѣ машепъ манштей мишурной
 Она предъ хладною шолпой ,
 Гдѣ Талія шихонько дремлепъ
 И плескамъ дружескимъ не внемлепъ ,
 Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
 Дивится зритель молодой ,
 (Что было также въ прежни лѣты ,
 Во время ваше и мое)
 Не обратились на нее
 Ни дамъ ревнивые лорнеты ,
 Ни трубки модныхъ знапоковъ
 Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ .

LI.

Ее привозяпъ и въ Собранье.
 Тамъ пѣснота , волненье , жаръ ,
 Музыки грохопть , свѣчъ блистанье ,
 Мельканье , вихорь быстрыхъ паръ ,

Красавицъ легkie уборы,
Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣстъ обширной полукругъ,
Всѣ чувства поражаешь вдругъ.
Здѣсь кажупъ францы записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимашельный лорнепъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшашъ явиться, прогремѣть,
Блеснуши, плѣниши и улепѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю

Тревожить лирою моею,
 Какъ величавая луна
 Средь женъ и дѣвъ блескить одна.
 Съ какою гордостью небесной
 Земли касаешься она !
 Какъ нѣгой грудь ея полна !
 Какъ шоменъ взоръ ея чудесной !
 Но полно , полно ; переспать :
 Ты заплатилъ безумству дань .

LIII.

Шумъ , хохопъ , бѣгоцня , поклоны ,
 Галопъ , мазурка , вальсъ . Межъ пѣмъ ,
 Между двухъ шепокъ , у колоны ,
 Не замѣчаема никъмъ ,
 Тапъяна смоприпъ и невидипъ ,
 Волненье свѣща ненавидипъ ;

Ей душно здѣсь она мечтой
 Спремиша къ жизни полевой,
 Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
 Въ уединенный уголокъ,
 Гдѣ льется свѣтлый ручеёкъ,
 Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ
 И въ сумракъ липовыхъ аллей,
 Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
 Забыть и свѣтъ и шумный балъ,
 А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводилъ
 Какой-то важный генераль.
 Другъ другу пепушки мигнули,
 И локтемъ Таню вразъ шолкнули
 И каждая шепнула ей:

Взгляни нальво поскорѣй.
 « Налѣво ? гдѣ ? что тамъ такое ? »
 Ну, что бы ни было , гляди....
 Въ той кучкѣ , видишь ? впереди ,
 Тамъ , гдѣ еще въ мундирахъ двое....
 Вонъ опошель вонъ бокомъ спаль....
 « Кто ? шолестный эшопъ генераль ? »

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
 Татьяну милую мою ,
 И въ спорону свой путь направимъ ,
 Чтобъ не забыть о комъ пою....
 Да къ спати , здѣсь о томъ два слова :
Пою пріятеля младова
И множество его пригудъ.
Благослови мой долгій трудъ ,

*O ты, эпигеская муза !
И вѣрный посохъ мнѣ врутивъ ,
Не дай блуждать мнѣ вкосъ и вкриивъ .
Довольно. Съ плечь долой обуза !
Я классицизму отдалъ честь :
Хотъ поздно , а вступленье есть.*

<http://lib.pushkinskijdom.ru>

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Школы Левшина птенцы.

Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по
частии хозяйственной.

2. Теперь у насъ дороги плохи.

Дороги наши — садъ для глазъ:

Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;

Работы много, много славы,

Да жаль, проѣзда нѣшь подъ часъ.

Съ деревьевъ, на часахъ споявшихъ,

Проѣжимъ мало барыша;

Дорога, скажешь, хороша —

И вспомнишь стихъ: для проходящихъ!

Свободна Русская йзда
 Въ двухъ сполько случаяхъ: когда
 Нашъ *Макѣ-Адамѣ*, или *Макѣ-Ева*
 Зима свершилъ, преща опъ гнѣва,
 Опустошильный набѣгъ,
 Путь окуеніе чугуномъ льдиспымъ,
 И запорошилъ ранній снѣгъ
 Слѣды ея пескомъ пущиспымъ.
 Или когда поля проймѣпъ
 Такая знойная засуха,
 Что черезъ лужу можешьъ въ бродъ
 Пройти, глаза зажмуря, муха.

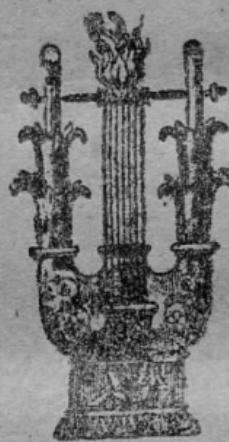
Станція. Князь Вяземскій.

3. Какѣ заборѣ.

Сравненіе, заимствованное у К**, споль
 извѣстнаго игривоспію воображенія. К...
 рассказывалъ, что будучи однажды посланъ

курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ , онъ ѻхалъ такъ скоро , чпо шпага его , высунувшись концемъ изъ пележки , спучала по верстамъ , какъ по часшоколу .

Продаётся въ С. Петербургѣ
во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по
пяти рублей за экземпляръ.
За пересылку въ другіе города
прилагается 80 копѣекъ.